

ДУХОВНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В. С. ПЕЧЕРИНА НА РОДИНУ

**по его неопубликованнымъ письмамъ
къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву.**

Личность В. С. Печерина всегда будетъ привлекать вниманіе изслѣдователей русской культуры 19-го вѣка, хотя двѣ трети своей жизни Печеринъ прожилъ вдали отъ родины, казалось, всѣми забытый. Два года тому назадъ въ Москвѣ вышли его «Замогильныя записки», подъ ред. Л. Каменева (Изд. «Миръ», 1932 г.) Название «Замогильныя записки» взято изъ текста самого Печерина. Авторъ выпущенной еще въ 1910-мъ году монографіи о Печеринѣ — «Жизнь В. С. Печерина» (Изд-во «Путь») — М. О. Гершензонъ, которому въ сущности и принадлежитъ обработка «Замогильныхъ записокъ», найденныхъ имъ уже послѣ опубликованія своей книги, въ такихъ словахъ характеризуетъ записки Печерина: «автобіографія не представляетъ собой сплошнаго повѣствованія; это рядъ эпизодовъ, часто не связанныхъ между собою хронологически и отъ того можетъ быть выигрывающихъ въ художественной законченности. Сообщая эти эпизоды въ письмахъ (своему племяннику С. Ф. Печерину и своему другу Ф. В. Чижову), Печеринъ часто предварялъ или сопровождалъ свой рассказъ разсужденіями и сообщеніями злободневнаго свойства». Къ сожалѣнію, Л. Каменевъ, взявшій готовымъ трудъ Гершензона, не потрудился заглянуть въ переписку и дневники университетскаго товарища Печерина Ф. В. Чижова, извѣстнаго славянофила, а къ концу жизни строителя многихъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и организатора пароходства на Бѣломъ морѣ. Бумаги Чижова, изъ которыхъ Гершензонъ и извлекъ «Замогильныя записки», еще въ 1878-мъ году были переданы въ Румянцевскую (теперь Ленинскую) библио-

теку. Въ 19 большихъ тетрадяхъ дневниковъ Чижова и обширной перепискѣ его, несомнѣнно, найдется не мало матеріаловъ для изученія загадочной личности Печерина.

Описаніе жизни Печерина въ «Замогильныхъ запискахъ» обрывается на событіяхъ 1848-го года. Гершензонъ въ своей книгѣ пытался дать полную біографію Печерина до самой его смерти въ 1885-мъ году. Но есть одинъ періодъ въ жизни Печерина, который совершенно не освѣщенъ тѣми матеріалами, которыми располагалъ Гершензонъ — это переломъ, происшедшій съ Печеринымъ въ 1860-62 г. г. Л. Каменевъ въ біографіи Печерина, данной имъ въ приложеніяхъ къ новому трехтомному изданію «Былое и Думы» правильно отмѣтилъ внѣшнія рамки этого перелома. «Въ 1861-мъ г., говоритъ Каменевъ, Печеринъ бросаетъ свой монашескій орденъ, возобновляетъ переписку съ Герценомъ (къ сожалѣнію, его письма къ Герцену и Огареву этого періода неизвѣстны) и своими друзьями въ Россіи, вновь начинаетъ заниматься поэзіей, регулярно посылаетъ пожертвованія въ фондъ «Колокола» и наконецъ публикуетъ въ «Листкѣ» кн. П. В. Долгорукова, письмо, въ которомъ защищаетъ союзъ демократіи съ католицизмомъ» («Б. и Д.», 3-й т., 1932 г., стр. 505).

Письма Печерина къ Герцену и Огареву этого періода не пропали. Въ той части бумагъ М. П. Драгоманова, которая поступила въ Пражскій Историческій Архивъ, кромѣ оригиналовъ писемъ Печерина къ Герцену, написанныхъ по-французски (Г. напечаталъ ихъ въ русскомъ переводѣ въ главѣ «Б. и Д.» — *Pater V. Petchérine*), сохранились еще восемь писемъ Печерина къ Герцену и Огареву (три по-французски и пять — по-русски). Изъ отвѣтныхъ писемъ Герцена сохранился черновикъ только одного письма (два отвѣтныхъ письма Г. 1853 г. были опубликованы въ указанной главѣ «Б. и Д.») Въ приложеніяхъ (№№1-9) мы печатаемъ вновь найденныя письма Печерина и отвѣтное письмо Герцена

Пользуясь этими письмами и текстомъ «Замогильныхъ записокъ» мнѣ хотѣлось бы пересмотрѣть вопросъ о томъ переломѣ, который произошелъ съ Печеринымъ въ 1861-мъ году и который, по моему, можно озаглавить, какъ духовное возвращеніе Печерина на родину. Само собой разумѣется, что переписка Печерина и Герцена затрагиваетъ и другіе вопросы, но ихъ нужно разсматривать въ другой связи и съ привлеченіемъ иныхъ документовъ. Къ сожалѣнію, нельзя установить, сохранился ли дневникъ Печерина. Одну запись изъ дневника онъ привелъ въ «Замогильныхъ запискахъ» (134 стр.). Между тѣмъ въ бумагахъ, поступившихъ послѣ смерти Печерина въ бібліотеку Московскаго университета, дневниковъ

не оказалось. Не сохранили ли ихъ его католическіе друзья, бывшіе при смерти Печерина въ Дублинской больницѣ.

Между выходомъ въ свѣтъ гоголевскаго «Ревизора» и 15-го номера журнала «Телескопъ» съ философическимъ письмомъ Чаадаева, въ 1836-мъ году, уѣхаль за границу молодой, подающій большія надежды, профессоръ Московскаго университета по кафедрѣ классической филологіи Владиміръ Сергѣевичъ Печеринъ, уѣхаль съ тѣмъ, чтобы больше никогда въ Россію не возвращаться. «Я рѣшилъ, графъ. Судьба моя определѣна безвозвратно — вернуться вспять не могу... Забудьте, что я когда-либо существовалъ, и простите меня. Не довольно ли я поплатился за мой проступокъ, разорвавъ свой договоръ съ жизнью и счастьемъ. Я извлекъ изъ своего измученнаго сердца нѣсколько капель крови и подписалъ окончательный договоръ съ діаволомъ, а этотъ діаволь — мысль» — такъ писалъ Печеринъ въ мартѣ 1837-го года изъ Брюсселя Попечителю Московскаго округа графу Строганову. Позднѣе въ 70-хъ г.г. свое бѣгство съ родины Печеринъ выразилъ въ слѣдующемъ четверостишіи:

За небесныя мечтанья
Я земную жизнь отдалъ,
И тяжелый крестъ изгнанья
Добровольно я подъялъ.....

Въ настоящее время, съ опубликованіемъ «Замогильныхъ записокъ», мы можемъ твердо сказать, что Печерина увлекла на западъ не отвлеченная «мечта объ осуществленіи потенциальной красоты человѣка, о водвореніи на землѣ царства разума, справедливости, радости и красоты», какъ думалъ Гершензонъ (стр. 135), а вдохновенная проповѣдь Ламеннэ. «Брошюра Ламеннэ — «Paroles d'un croyant — Слова вѣрующаго» заставила меня покинуть Россію и броситься въ объятія республиканской церкви» — обмолвился однажды Печеринъ. Правда, къ церкви католической онъ пришелъ позднѣе, — въ 1840-мъ году, предварительно пройдя увлеченіе «крайними теоріями европейскихъ революціонеровъ» (слова И. Аксакова). «Я пришелъ въ Льежъ, вспоминалъ Печеринъ, съ запасомъ ученія Бернацкаго, потомъ приобрѣлъ коммунизмъ Бабефа, религію Сень-Симона и Фурье». Сень-симонизмъ, воспринятый черезъ писанія Жоржъ-Зандъ, привелъ Печерина въ лоно католической церкви. Въ 1841-мъ г. онъ былъ принятъ въ орденъ редемптористовъ и до 1860-го года большую часть своей монашеской жизни провелъ въ Англии и лишь 4 года въ Бельгіи, неся исправно всѣ объты монашества. Кстати съ

легкой руки Герцена и Огарева пошло, что Печеринъ сдѣлался іезуитомъ. Это не вѣрно. Когда были приняты обѣты монашества, то духовный наставникъ Печерина дѣйствительно предложилъ ему вступить въ орденъ іезуитовъ. «Вы любите заниматься науками: вотъ вамъ ученый орденъ — іезуиты. Хотите, я вамъ дамъ письмо къ ихъ провинціалу. — Нѣтъ. Нѣтъ, — отвѣчалъ я. Даже самое имя іезуитовъ было мнѣ противно, да и при томъ пришла въ голову мысль: что какъ въ Россіи узнаютъ, что я сдѣлался іезуитомъ, вѣдь это будетъ просто срамъ и позоръ» (Записки, 139). Конечно, въ данномъ случаѣ Печеринъ имѣлъ въ виду тотъ не многочисленный кругъ родныхъ и друзей, которые интересовались его судьбой. Сама Россія, какъ таковая, его мало интересовала. Впослѣдствіи самъ онъ сказалъ: «пока жилъ Николай мнѣ никогда и въ голову не приходило думать о Россіи. Да и о чемъ было тутъ думать? Нельзя же думать безъ предмета. На нѣтъ и суда нѣтъ. Какой то солдатъ привезъ мнѣ изъ Крыма два листка петербургскихъ газетъ. Кромѣ высочайшихъ приказовъ по службѣ, тутъ было приторное — болгаринскимъ слогомъ — описаніе какого-то публичнаго бала. Вотъ все, что можно было знать о Россіи» (стр. 121). Въ письмѣ къ гр. Строгонову Печеринъ писалъ: «примите это письмо, какъ завѣщаніе умирающаго, ибо я умираю для всего, что когда то было мнѣ дорого. » Я сознательно не привожу здѣсь извѣстныхъ стиховъ Печерина — «какъ сладостно отчизну ненавиждѣть и жадно ждѣть ея уничтоженья», потому что эти «безумныя строки», по позднѣйшему опредѣленію самого Печерина, были написаны до окончательнаго его отъѣзда изъ Россіи въ подражаніе Байрону.

За 20 лѣтъ немногіе соотечественники переступили порогъ монашеской кельи о. Печерина. Въ Бельгій въ 1844 г. дважды посѣтилъ его Чижовъ, въ 1846 г. передъ лишеніемъ подданства «за переходъ въ католичество» о. Печерина навѣстилъ русскій консулъ въ Лондонѣ, въ 1851 г. былъ у него двоюродный братъ Фаддей Печеринъ и получилъ отъ настоятеля такую характеристику Печерина: «скажите его родителямъ, что вотъ уже болѣе шести лѣтъ, какъ я его знаю, а онъ ни разу ни на одну минуту не огорчилъ меня». Можетъ быть, нѣсколько разъ видѣлся о. Печеринъ съ кн. И. С. Гагаринымъ, перешедшимъ въ 1848 г. въ католицизмъ и вступившимъ въ орденъ іезуитовъ. Наконецъ въ мартѣ 1853 г. въ редemptористскомъ монастырѣ въ Клапамѣ подъ Лондономъ о. Печерина навѣстилъ Герценъ. Эта встрѣча достаточно извѣстна: Герценъ описалъ ее въ 63-й главѣ «Б. и Д.» — «Pater V. Petchérine». Герценъ не нашелъ общаго съ Печеринымъ языка, какъ видно изъ той переписки, которую онъ опубликовалъ въ указанной главѣ.

Въ позднѣйшихъ своихъ воспоминаніяхъ Печеринъ пытался оспаривать общее заключеніе Герцена объ его судьбѣ, будто «бѣдность, безучастіе, одиночество сломили его. Я перечитывалъ, пишетъ Герценъ, его «Торжество смерти» (поэма Печерина) и спрашивалъ себя, неужели этотъ человекъ можетъ быть католикомъ, іезуитомъ. Вѣдь онъ уже ушелъ изъ царства, въ которомъ *исторія дѣлается* подъ палкой квартальнаго и подъ надзоромъ жандарма. Зачѣмъ же ему такъ скоро зандобилась другая власть, другое указаніе». — «Вериги, добровольно на себя взятые, отвѣчалъ позднѣе Печеринъ, могутъ также добровольно быть и сложены. Человекъ въ полнотѣ своей свободы можетъ промотаться, спиться съ кругу, но послѣ съ энергіей той же свободной воли можетъ протрезвиться и снова начать разумную жизнь. Это не то, что быть запертымъ въ клѣткѣ и бесплодно биться объ ея желѣзныя рѣшетки... Изъ всего предыдущаго ясно, какъ день, что я вовсе не сломился, а стоялъ очень прямо и твердо на своемъ пьедесталѣ и никакъ никому и ничему не поддавался» (Записки, 86).

До 1860-го года о Печеринѣ мы знаемъ очень мало. «Замогильныя записки» освѣтили теперь переходъ Печерина въ католичество и первые годы его службы католической церкви, но онѣ оборвались на событіяхъ 48-го года, бросая, правда, свѣтъ и на послѣдующіе годы. И все же время между 1848-мъ и 1860 мъ г. г. въ біографіи Печерина остается очень темнымъ, за исключеніемъ дѣла о сожженіи протестантской библіи въ 1855-мъ году. Пользуясь стенограммой судебного разбирательства въ Дублинѣ, Гершензонъ подробно остановился на этомъ фактѣ, имѣя цѣлью опровергнуть утвержденіе Герцена, что поступокъ Печерина былъ актомъ крайняго изувѣрства. Совершенно ясно, что здѣсь Печеринъ сдѣлался жертвой англо-ирландской національной и религіозной борьбы.

Что же произошло съ Печеринымъ въ 1860 мъ году? Гершензонъ опредѣленно заявляетъ: «и вдругъ что-то сдѣлалось съ нимъ — что, мы не знаемъ: около 1860-го года въ немъ произошелъ новый переломъ, не менѣе удивительный, чѣмъ тотъ, который привелъ его въ монастырь». Вотъ здѣсь то неизвѣстныя доселѣ письма къ Герцену и Огареву, а также недавно опубликованныя «Замогильныя записки» помогутъ отвѣтить на вопросъ, поставленный и не разрѣшенный Гершензономъ. Мнѣ думется, что въ душѣ Печерина происходилъ двойной процессъ: съ одной стороны, подъ вліяніемъ Крымской войны, за которой онъ внимательно слѣдилъ, и съ наступленіемъ въ Россіи новаго царствованія, мысль Печерина снова начала обращаться на родину, а съ другой — подъ вліяніемъ поѣздки

въ Римъ въ 1859-мъ году у него появилось отталкивающее чувство къ папской власти, подобное тому, какое въ свое время испыталъ Мартинъ Лютеръ. Какъ шли оба указанныхъ процесса въ душѣ Печерина, мы не узнаемъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ опубликованы его дневники, если они сохранились.

На второмъ процессѣ — духовномъ разрывѣ съ Римомъ — остановимся очень кратко. Въ 1859-мъ году орденъ редемптористовъ командировалъ о. Печерина въ Римъ «съ большими надеждами и ожиданіями: хотѣли, вспоминалъ онъ послѣ, похвастаться мною передъ папою и кардиналами, а вышло совсѣмъ напротивъ. Нашли, что я составленъ не изъ такого материала, какъ они воображали, а потому поспѣшили отправить меня назадъ въ Англію, и въ наказаніе за строптивость даже не представили меня папѣ; слѣдовательно, я ни разу въ моей жизни не цѣловалъ ни папской туфли, ни чего-либо другого». «*Cela nuira serieusement votre canonisation* — это сильно затруднить вашу канонизацію», — сказалъ мнѣ генераль ордена редемптористовъ. Каково? Мнѣ заживо сулили канонизацію, т. е. причисленіе къ лику святыхъ, если бы я былъ немножко погибче. Ха-ха-ха! Ха-ха! *Résum tentalis, amici!*» (Записки, 133 стр.).

Римъ произвелъ на Печерина ужасное впечатлѣніе. Онъ самъ сохранилъ намъ выдержку изъ своего дневника отъ 22-го февраля, очевидно, 1859 года: *Rome 22 février. «Mes larmes ne cessent de couler. O Rome! que je te déteste! Je répète les paroles de St- Alphonse (*): «Les temps après lequel je pourrai m'échapper de Rome me semble durer mille ans! Combien il me tarde d'être delivré de toutes ces cérémonies!» O Rome! J'aime mieux les pauvres cabanes de nos irlandais que tous les palais somptueux. — O Rome! Je te hais: tu es le repaire de l'ambition et des viles intrigues. C'est ici qu'on oublie la son des âmes et qu'on ne pense qu'à augmenter sa reputation et son crédit; on ne vit que pour soi meme — faciamus nobis nomen! on use ses souliers dans les antichambres de cardinaux»* (Записки, 134).

Черезъ годъ послѣ поѣздки въ Римъ Печеринъ сталъ понимать, что въ орденѣ редемптористовъ ему трудно оставаться. Мы не знаемъ, чѣмъ онъ руководился, принявши въ Рождество 1861-го года постриженіе подъ именемъ о. Андрея едва ли не въ самомъ суровомъ изъ католическихъ орденовъ — орде-

*) Св. Альфонсъ — рѣчь идетъ, очевидно, объ основателѣ ордена редемптористовъ Альфонсѣ де-Лигвори (1696-1787), основавшемъ орденъ въ 1732-мъ году для проповѣди католицизма главнымъ образомъ среди низшихъ слоевъ населенія.

нѣ трапистовъ, въ которомъ не позволялось ни говорить, ни читать, ни мыслить, гдѣ вся жизнь должна была проходить въ пѣніи псалмовъ и въ земледѣльческихъ работахъ. Но тяжелый подвигъ трапистовъ Печеринъ вынесъ въ теченіе всего 6 недѣль. Онъ вышелъ изъ ордена, потому что убѣдился, какъ записано, въ реестрѣ ордена, что уединеніе и молчаніе слишкомъ тяжело отзываются на немъ. Въ февралѣ 1862-го года онъ былъ назначенъ капелланомъ при дублинской больницѣ — *Mater misericordiae*, гдѣ и прослужилъ послѣдніе 23 года своей жизни.

Свой уходъ отъ трапистовъ позднѣе Печеринъ объяснялъ въ такихъ словахъ: «въ 1861 я носилъ бѣлую одежду трапистовъ, работалъ въ ними на полѣ въ глубокомъ молчаніи, питался ихъ гречневою кашею и молокомъ и ничѣмъ больше, и они были отъ меня въ восхищеніи: «Вѣдь вы, кажется, рождены для этой жизни. Какъ онъ легко ко всему привыкаетъ». Но это продолжалось всего какихъ-нибудь шесть недѣль, пока оно имѣло прелесть новости и пока я не услышалъ случайно отъ одной русской дамы о важныхъ преобразованіяхъ въ Россіи. Тутъ я не могъ вытерпѣть: «Какъ же мнѣ живому зарыться въ этой могилѣ и въ такую важную эпоху ничего не слышать о томъ, что дѣлается въ Россіи» Итакъ, 19-е февраля, освободившее 20 милліоновъ крестьянъ, и меня эмансипировало». (Записки, 150 стр.). Рѣчь идетъ о той русской дѣвушкѣ, которая вышла замужъ за ирландца и о которой Печеринъ писалъ Никитенкѣ въ 1865 году (письмо приведено у Гершензона, стр. 187).

Мысль Печерина, направленная въ Россію, начала работать еще раньше, съ началомъ новаго царствованія. Въ тѣхъ же Запискахъ онъ вспоминалъ: «пока жилъ Николай, мнѣ никогда и въ голову не приходило думать о Россіи... Но лишь только воцарился Александръ 2-й, то вдругъ отъ этой нѣмой, русской могилы повѣялъ утренній вѣтерокъ свѣтлаго воскресенія. Что ищите живаго съ мертвыми? Русскій народъ воскресъ. Да! Онъ воистину воскресъ. Итакъ, обнимемъ же и облобызаемъ другъ друга, да и поздороваемся краснымъ яичкомъ!» (стр. 121). Не была ли основной причиной духовнаго разрыва съ Римомъ эта живительная струя, идущая изъ Россіи съ началомъ новаго царствованія?

Настоящее же пробужденіе Печерина произошло въ началѣ 1862-го года, когда онъ сбросилъ съ себя орденскіе путы и сталъ, по его словамъ, просто «независимымъ членомъ католическаго духовенства». Въ этомъ пробужденіи главную роль сыграло живое слово Герцена — «*vivos voco*». Странно только, что ни Печеринъ въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ

не обмолвился ни словомъ о своихъ письмахъ къ Герцену, ни Герценъ въ своихъ писаніяхъ не отзывался на письма къ нему Печерина, хотя, видимо, отвѣчалъ на нихъ довольно исправно. Отвѣтовъ Герцена нѣтъ въ бумагахъ Печерина. Гдѣ они. Только черновикъ одного письма Герцена намъ удалось найти среди обрывковъ архива «Колокола». Герценъ не особенно довѣрялъ искренности Печерина, что и выразилъ въ письмѣ къ И. С. Тургеневу отъ 21 мая 1862 г. по полученіи перваго печеринскаго письма (въ этотъ же день онъ написалъ и тотъ черновикъ, о которомъ сказано выше): «вчера получилъ длинное письмо отъ pater Печерина; увѣряетъ о какомъ то моемъ призваніи на allertei und monches (15 т., стр. 137). Печеринъ же писалъ свои Записки, когда дѣло жизни Герцена было уже закончено, и ясно понималъ, что его духовное возвращеніе на родину осталось бесплоднымъ.

Въ 1861-мъ году въ шестой книжкѣ «Полярной Звѣзды» Герценъ опубликовалъ весь отрывокъ изъ «Б. и Д.» — «Pater V. Petchérine» и помѣстилъ нѣсколько раннихъ стихотвореній Печерина, а Огаревъ въ томъ же году напечаталъ поэму Печерина «Торжество смерти» въ сборникѣ «Русская потаенная литература», сказавши объ авторѣ очень жестокія слова: «какимъ образомъ авторъ этой поэмы погибъ хуже всѣхъ смертей, постигшихъ русскихъ поэтовъ, погибъ равно для науки и для жизни, погибъ заживо, одѣвшись въ рясу іезуита и отстаивая дѣло мертвое и враждебное всякой общественной свободѣ и здравому смыслу... Это остается тайной; тѣмъ не менѣе мы со скорбью смотримъ на смрадную могилу, въ которой онъ преступно похоронилъ себя. Воскреснетъ ли онъ въ живое время, какъ знать. Если внѣшнее чудо могло отолкнуть его живого въ гробъ, то внутренняя сила можетъ и вырвать изъ него. Покаяніе не только христіанская мысль, но необходимость для всего человѣчески-искренняго».

Читалъ ли Печеринъ въ 1861-мъ г. эти негодующія строки, мы не знаемъ. Скорѣй можно думать обратное, какъ это видно изъ втораго письма его къ Герцену (прилож. № 3). Но онъ, несомнѣнно, читалъ «Колоколъ»: цитата о «величавомъ потокѣ» перваго письма Печерина (прил. №) взята изъ статьи Герцена — «Сенаторамъ и тайнымъ совѣтникамъ журнализма» («Кол.» № 130), написанной противъ Каткова.

Герценъ прекрасно понималъ, что въ душѣ Печерина происходитъ какой то переломъ, и споры 1853-го года могутъ сгладиться тѣмъ приглашеніемъ, которымъ Печеринъ оканчивалъ свое первое письмо — «соединиться въ болѣе высокомъ единствѣ». Изъ черновика отвѣта Герцена видно (прил. № 2), что онъ какъ бы извиняется за опубликованныя имъ въ «По-

лярной Звѣздѣ» три письма Печерина (въ письмѣ Г., а за нимъ и П., ошибочно указываютъ, что опубликованы только два письма). Правда, Герценъ и здѣсь подчеркиваетъ, что «весь духъ статьи» о Печеринѣ противорѣчитъ тѣмъ настроеніямъ, которыя были у Печерина въ 1853-мъ году.

Печеринъ не заставилъ себя ждать отвѣтомъ, и уже 23 мая писалъ Герцену о томъ, что нисколько не жалѣетъ о своемъ послѣднемъ письмѣ отъ 17 мая, но раскаивается въ тѣхъ письмахъ, которыя написалъ въ 1853-мъ году. «Эти письма были продиктованы усердіемъ не по разуму. Я писалъ, какъ ученикъ, съ тѣхъ поръ я узналъ много вещей, по крайней мѣрѣ я выучился быть болѣе снисходительнымъ.» Окончаніе письма не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Печеринъ въ сущности принимаетъ политическую программу Герцена, хотя и оговаривается, что восхода «вашего краснаго солнца ему не видать». Герценъ, видимо, скоро отвѣтилъ на это письмо и послалъ какую то свою книгу, вѣрнѣе всего — «За пять лѣтъ» (т. I. Статьи А. И. Герцена 1855-1860 г. г.) 26 мая Печеринъ извѣстилъ Герцена короткимъ письмомъ о полученіи книги, изъ которой онъ пробѣжалъ «съ большой жадностью» нѣсколько страницъ.

Герценъ едва ли отвѣчалъ на это письмо: для него началось тяжелое лѣто. Герцены мѣняли квартиру. Погода стояла холодная и дождливая. Въ то же время событія въ Россіи и въ Польшѣ все время отвлекали вниманіе Герцена. Въ іюнѣ онъ началъ писать «Концы и начала». Поэтому всѣ основанія думать, что 1-го августа Печеринъ, не дождавшись отвѣта Герцена, самъ написалъ ему письмо, на этотъ разъ по-русски. Въ этомъ письмѣ (прил. № 5) онъ еще разъ благодаритъ за интересную книжку («За пять лѣтъ»), которую онъ «читалъ и перечитывалъ», и снова подтверждаетъ, что онъ вполне разделяетъ основной вопросъ политической программы Герцена 1861-го года — освобожденіе крестьянъ съ землею. Письмо кончается припиской объ изданіи писемъ Чаадаева *Oeuvres choisies de P. Tchaadaief*, выпущенныхъ кн. Гагаринымъ-іезуитомъ (*).

*) Кн. И. С. Гагаринъ тоже своеобразная фигура русскаго человѣка, окончившаго свои дни въ лонѣ кат оличской церкви. До осени 1843-го года онъ состоялъ на дипломатической службѣ и былъ извѣстенъ тѣмъ, что имѣлъ близкое знакомство среди литературныхъ круговъ — Вяземскій, Жуковскій, Тютчевъ — и былъ друженъ съ Чаадаевымъ. Одно время имя кн. Гагарина упоминалось въ связи съ пасквильными письмами Пушкину, приведшими къ гибели поэта. Въ 1838-мъ году кн. Гагаринъ былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Парижѣ. Осенью 1843 года онъ не явился отъ отпуска на службу и, перейдя въ католицизмъ, вступилъ

Вполнѣ возможно, что и это письмо осталось безъ отвѣта. Такимъ образомъ во второй половинѣ 1862-го года переписка между Печеринымъ и Герценомъ прекратилась и возобновилась только въ слѣдующемъ году.

Примѣрно въ февралѣ 1863-го года при «Колоколѣ» былъ учрежденъ «Общій фондъ» для помощи эмигрантамъ. Его не нужно смѣшивать съ Бахметевскомъ фондомъ, доставившимъ Герцену столько огорченій. Первой получкой для «О.Ф.» была присылка одного англ. фунта отъ Печерина. Очевидно, Герценъ поблагодарилъ за эту присылку и подчеркнул, что она пришла «изъ иного стана». Отвѣтное письмо Печерина датировано 10-го марта, безъ указанія года, но явно, что оно относится къ году 1863-му. Упомянутіе объ «Общемъ Вѣчѣ» (какъ извѣстно, этотъ журналъ редактировался Огаревымъ и Кельсиевымъ) заставляетъ предполагать, что извѣщеніе о полученномъ для «О. Ф.» пожертвованіи было написано не Герценомъ, а Огаревымъ, который не любилъ предаваться теоретическимъ размышленіямъ. Вполнѣ возможно, что Огаревъ задѣлъ самые больныя струны Печерина, предложивши ему порвать съ католицизмомъ и принять участіе въ той политической работѣ, которую вела группа «Колокола». Печеринъ отвѣтилъ двумя письмами отъ 10-го и 13-го марта (прил. №№ 6 и 7). Въ первомъ письмѣ, адресованномъ Герцену, Печеринъ оспариваетъ, что его приношеніе пришло «изъ иного стана» и предлагаетъ напечатать о своемъ пожертвованіи. При этомъ онъ гордится, что его присылка въ «О. Ф.» пришла первой.

Письмо отъ 13-го марта начинается длиннымъ разсужденіемъ о совмѣстимости католичества съ политической свободою, — тема, которая занимала Печерина постоянно. Вторая половина письма автобіографическая и во многихъ мѣстахъ совпадаетъ съ замѣтками «Замогильныхъ записокъ». Въ письмѣ Печеринъ вскрываетъ передъ Огаревымъ весь трудный

въ орденъ іезуитовъ. Разгнѣванный императоръ Николай I въ наказаніе велѣлъ лишить кн. Гагарина огромныхъ помѣстій и запретилъ ему навсегда въѣздъ въ Россію. Въ 1861-мъ году въ журналѣ «Correspondent» Гагаринъ напечаталъ извѣстное письмо Чаадаева, за которое Николай I приказалъ объявить Чаадаева сумасшедшимъ. письма Чаадаева, выпущенныя въ слѣдующемъ году, широко разсылались Гагаринымъ. Получилъ ихъ и Герценъ. Въ письмѣ къ Огареву отъ 14 іюня онъ сообщилъ: кн. Гагаринъ прислалъ письмо съ большими симпатіями (кстати оно также сохранилось вмѣстѣ съ письмами П.) и пишетъ, что отправилъ мнѣ Чаадаева *избранныя сочиненія*... (Пол. с. соч. т. 15, стр. 210). Отвѣтъ Г. на это письмо, а также подробности о Гагаринскомъ архивѣ напечатаны въ статьѣ Як. Полонскаго («Посл. Нов.» отъ 14 ноября 1929 года).

путь, который привелъ его къ католицизму. «Я былъ, пишетъ онъ, добросовѣстнымъ сенъ-симонистомъ, фурьеристомъ, коммунистомъ и логическимъ путемъ, безъ всякаго внѣшняго вліянія дошелъ до католицизма». Последнее утвержденіе, какъ мы уже видѣли, оспаривалось Герценомъ. Да и самъ Печеринъ въ письмѣ къ кн. Долгорукову, нарушая нѣсколько хронологію, писалъ: «католическая вѣра явилась гораздо позже: она была лишь un corollaire, необходимое заключеніе долгаго логическаго процесса, или, лучше сказать, она была для меня послѣднимъ убѣжищемъ послѣ всеобщаго крущенія европейскихъ надеждъ въ 1848-мъ году» (*) («Листокъ» кн. Долгорукова, № 12). Правда, это не помѣшало Печерину въ 1869-мъ году время, проведенное въ католическомъ монастырѣ, изобразить, какъ сонъ и карточный проигрышъ: «я проспалъ 20 лучшихъ лѣтъ моей жизни (1840—1860). Да и что тутъ удивительнаго? Вѣдь это не рѣдкая вещь на Святой Руси. Сколько у насъ найдется людей, которые или проспали всю жизнь или проиграли ее въ карты. Я и то и другое сдѣлалъ: и проспалъ и проигрался въ пухъ» (У Гершензона, 185 стр.). Печеринъ кончаетъ письмо къ Огареву описаніемъ своего пробужденія и сознаниемъ его бесплодности для русскаго дѣла, вѣря при этомъ, что «невидимая рука» приведетъ его къ желанному концу, гдѣ все разрѣшится, все уяснится и все увѣнчается.

На письмо отъ 13-го марта Огаревъ, можно думать, снова отвѣтилъ настойчивымъ призывомъ порвать съ католицизмомъ и принять участіе въ революціонной работѣ. Печерину также ничего не оставалось дѣлать, какъ отвѣтить съ полной откровенностью, что онъ и сдѣлалъ въ письмѣ отъ 6-го апрѣля. Это письмо было вѣроятно, послѣднимъ письмомъ, посланнымъ Огареву. «Вы, кажется, ожидаете отъ меня категорическаго отвѣта. Да почему же мнѣ и не дать его. Что я возвращаюсь въ Русскій народъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Вѣдь это была одна изъ причинъ, побудившихъ меня оставить пустыню. Мнѣ казалось, что священный долгъ призываетъ меня принять какое бы то ни было участіе въ возрожденіи моей родины. Отъ всей души я готовъ подписать Вашу программу. Я очень хорошо понимаю, какъ католическій священникъ русской крови можетъ сдѣлаться примирителемъ враждебныхъ племенъ. Это прекрасно въ теоріи, но гдѣ же практическое примѣненіе?». Между тѣмъ практическое при-

*) Гершензонъ склоненъ видѣть въ датѣ простую опіску. По его предположенію, рѣчь идетъ объ іюльской революціи 1830 года.

мѣненіе отдалялось все дальше и дальше. Печеринъ видѣлъ, что до осуществленія политической программы Герцена и Огарева еще далеко. А при такихъ условіяхъ — «что же я могу дѣлать въ Россіи? Мнѣ кажется, Вы продаете шкуру медвѣдя, а медвѣдь то еще живъ и здоровъ — смотрите, какъ онъ ломаетъ кости поляковъ»... Промѣнять свое положеніе чело-вѣка, живущаго въ уединеніи «пополамъ съ наукой и дѣлами христіанской любви» на революціонную работу Печеринъ не рѣшился. Къ тому же не такъ легко было выбросить и рели-гіозныя вѣрованія, начало которыхъ коренилось въ *Paroles d'un croyant* Ламеннэ: «Слова вѣрующаго», заставившія Печерина бѣжать изъ Россіи въ 1836-мъ году, черезъ 28 лѣтъ были той преградой, которая остановила его духовное воз-вращеніе на родину. Путь Герцена-Огарева оказался ему не по плечу. Огаревъ едва ли отвѣчалъ на письмо отъ 6-го апрѣ-ля, такъ какъ ясно понималъ, что вытащить Печерина «изъ смрадной могилы» невозможно.

Печеринъ черезъ двѣ недѣли послѣ послѣдняго письма къ Огареву попытался вызвать на переписку Герцена. Посы-лая 2 фунта въ «О. Ф.», онъ писалъ 20-го апрѣля Герцену: «прошу Васъ принять ихъ какъ *символь* глубокаго участія, которое я принимаю въ Русскомъ дѣлѣ — дѣлѣ *Земли и воли*. Не нужно Васъ спрашивать, читали ли Вы Мишле *La Pologne*. Какое глубокое пониманіе Россіи. А вѣдь 30 лѣтъ тому назадъ я понималъ ее точь въ точь, какъ Мишле теперь ее понимаетъ. Ваши сочиненія обратили меня въ Россію, но признаюсь, иног-да еще пробивается старое чувство, особенно глядя на настоя-щія событія. Впрочемъ подождемъ, что скажетъ Русскій на-родъ: пора ему показать себя». Герценъ такъ же, какъ и Ога-ревъ, вѣрнѣй всего не отвѣтилъ на это письмо. На этомъ пре-кратились письменныя отношенія Печерина съ редакторами «Колокола». Печеринъ не смогъ обратно перешагнуть ту грань, которая привела его въ лоно католической церкви. Но разбу-женная событіями и живымъ словомъ Герцена «тоска по роди-нѣ» не оставляла его въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ его жизни.

Въ послѣднихъ числахъ августа 1865-го года И. С. Акса-ковъ, издававшій тогда газету «День», получилъ письмо изъ Дублина съ приложеніемъ длиннаго стихотворенія и визитной карточки — *Resd. Vladimir Petchérine*, на которой было написано: «Милостивый государь. Благородный духъ Ваше-го журнала давно привлекаетъ мое вниманіе, хотя, къ сожалѣ-нію, я не всегда имѣю случай читать его. Сверхъ того, тамъ ча-сто встрѣчается дорогое для меня имя Ф. В. Чиждова. Неиз-бѣжная судьба — *ineluctabile fatum* — отдѣляетъ меня отъ родины, но прилагаемое стихотвореніе покажетъ Вамъ, что

я не забылъ ни русскаго языка, ни русскихъ думъ. Я самъ не могу себѣ объяснить, для чего я посылаю Вамъ эти стихи. Это какое-то темное чувство — или просто желаніе переслать на родину хоть одинъ мимолетный умирающій звукъ»...

Стихотвореніе безъ заглавія, начиналось словами:

«Не погибъ я средь крушенья,
Не пришелъ еще мой часъ.
И средь бурнаго волненья
Мой свѣтильникъ не погасъ».

Подъ видсмъ странника поэтъ-Печеринъ изображаетъ всю свою жизнь и кончаетъ слѣдующей печальной строфой:

«И теперь бездомнымъ сиротою
По міру одинъ брожу,
Сладкаго ищу покою
И нигдѣ не нахожу».

Стихотвореніе было напечатано въ № 29 «Дня» отъ 2-го сентября и снабжено горячими словами Аксакова: «это братъ нашъ скорбитъ и страдаетъ, это родная наша душа бьется, какъ птица въ клѣткѣ, изнываетъ, гибнетъ и стонетъ. Онъ нашъ, нашъ! Нашъ даже латинскимъ франкомъ — онъ имѣетъ полное право на наше участіе и состраданіе. Неужели нѣтъ для него возврата? Ужели поздно, поздно?... Русь проститъ заблужденія, которыхъ поводъ такъ чистъ и возвышенъ, она оцѣнитъ страстную, безкорыстную жажду истины, она съ любовью раскроетъ и приметъ въ объятія своего заблудшаго сына!»...

Эти слова Аксакова не отразились на судьбѣ Печерина. Они лишь дали возможность его старому другу Никитенко возобновить съ нимъ переписку. Оживилась также не прерывавшаяся переписка съ Чижевѣмъ и племянникомъ, по просьбѣ которыхъ Печеринъ и началъ писать свою автобіографію, надѣясь, что она будетъ напечатана въ Россіи. Но Чижову удалось напечатать лишь одинъ отрывокъ — воспоминанія о баронессѣ Розенкампфъ («Русскій Архивъ», 1870 г.). Дальнѣйшія публикаціи встрѣтили затрудненія со стороны русской цензуры, что и вызвало горькій отзывъ Печерина, въ которомъ онъ назвалъ свои писанія «Замогильными записками Владиміра Сергѣева сына Печерина».

Послѣдніе 23 года своей жизни Печеринъ прожилъ въ тиши Дублинской больницы Mater Misericordiae, занимаясь дѣлами милосердія и все свободное время посвящая наукѣ. Больше всего его интересовала исторія религій: онъ изучилъ для этого санскритъ, арабскій и персидскій языки, классическіе и еврейскій зналъ раньше. Можно думать, что интересъ къ Россіи, такъ ярко вспыхнувшій въ началѣ 60-хъ г. г., у не-

го не пропадалъ и онъ поддерживалъ его чтеніемъ русскихъ писателей. Въ письмахъ къ Никитенко то и дѣло встрѣчаются отзывы о прочитанныхъ русскихъ книгахъ. Въ послѣднія 10 лѣтъ жизни у Печерина проявился большой интересъ къ материалистическимъ ученіямъ: онъ изучалъ Бюхнера, Фейербаха и др. Было ли это увлеченіе просто стремленіемъ къ знанію или означало новый духовный переломъ, сказать трудно за отсутствіемъ данныхъ для послѣднихъ лѣтъ жизни Печерина.

Скончался о. Печеринъ 17-го апрѣля 1885 года, 79 лѣтъ отъ роду, переживши всѣхъ своихъ корреспондентовъ. Похороненъ на Гласневинскомъ кладбищѣ въ Дублинѣ, неподалеку отъ могилы вождя ирландскаго національнаго движенія Даниеля О'Коннеля.

Прага Чешская

А. Изюмовъ

ПРИЛОЖЕНІЯ :

1) *Письмо В. С. Печерина А. И. Герцену отъ 17-го мая 1862-го года.*

Mater Misericordiae
Hospital. Dublin. Irlande.

Monsieur,

Je suis un de vos abonnés. Je sens qu'il y a un abîme entre vous et moi, et cependant à travers cet abîme je vous tends une main de compatriote et d'ami. Je rends hommage à votre génie et j'ai quelque pressentiment qu'un grand rôle vous est réservé dans les événements qui se préparent en Russie. Avec un intérêt impossible à décrire, j'assiste de loin aux premiers mouvements de ce drame gigantesque. Je sens toute la portée de vos paroles dans le dernier N-о: «вся Русь поднимается отъ тяжелаго сна и идетъ на совершеніе судебъ, которыхъ главныя черты начинаютъ прорѣзываться изъ-за несущихъ тучъ, стѣсняющихъ облаковъ» — Je crois voir — «величавый потокъ, захватившій и влекущій все: волостное правленіе, расколъ, Ach! Mon cher Monsieur! ne serait-il pas possible de nous réunir dans une plus haute unité quelque part ou ces disputes cessent et l'on ne fait plus qu'aimer? — Mais n'importe — malgré la divergence des opinions, tout homme, qui par parole ou par action contribue à la régénération de ma patrie, est sûr d'occuper une place distinguée dans ma pensée et dans mon coeur.